

Научная жизнь

Четвертый форум изучения Китая в Шанхае

6–7 ноября 2010 г. в Шанхае состоялся Четвертый всемирный Форум изучения Китая «Жить в гармонии и сообща: путь интеграции Китая в мир». Эти мероприятия проходят с 2004 г., стержневая тема «гармонии» (хэ) присутствовала также и в названиях трех предыдущих форумов. Инициаторами крупномасштабной научной конференции, в которой приняли участие свыше 280 китайских и зарубежных ученых, выступили Отдел информации Госсовета КНР и городское правительство Шанхая, организационная работа была поручена Шанхайской академии общественных наук (ШАОН).

Исходным на Форуме стал тезис о том, что по мере роста экономической мощи и международного влияния Китая за рубежом увеличивается потребность в его изучении. Отвечая на этот запрос, китайская сторона должна помочь иностранцам составить более полное и адекватное представление о Китае, содействовать изучению современного Китая за рубежом.

На церемонии открытия с программным докладом «Желаемая перспектива Китая — мирное развитие и гармоничный мир» выступил заместитель руководителя отдела пропаганды ЦК КПК, руководитель информационной канцелярии Госсовета КНР, сопредседатель оргкомитета форума Ван Чжэн. Докладчик обратил внимание на три момента, важных для понимания современных китайских проблем. Во-первых, нужно объективно оценивать нынешний уровень развития Китая. Хотя ВВП Китая сейчас заметно вырос, при его пересчете на душу населения Китай не входит в первую сотню мировых производителей. После тридцати лет быстрого роста страна оказалась лицом к лицу с целым рядом ограничителей — сырьевых, ресурсных и экологических. При высокой доле производства разных видов промышленной продукции он оттеснен на нижний уровень технологической цепочки. Будучи крупным экспортером, Китай зависит от импорта ключевых технологий. Не решены проблемы разрыва в уровне экономического развития между приморскими и внутренними районами, имущественной дифференциации и социального обеспечения, создания достаточного количества новых рабочих мест. Сталкиваясь с таким количеством вызовов, Китай далек от мыслей о мировой гегемонии. Во-вторых, нужно как следует разобраться в специфичности китайского пути развития. Быстрый рост остается для Китая приоритетной задачей, но требуется изменить способ развития, сделать его более сбалансированным и устойчивым, что более благоприятно с точки зрения потребностей мировой экономики. В-третьих, нужно адекватно воспринять призывы Китая к построению гармоничного мира. Мировой кризис обнажил накопившиеся проблемы, они касаются не только экономики, но также изменений климата, продовольственной безопасности, доступности энергоресурсов. Эти проблемы нужно решать совместными усилиями всех стран, не допуская протекционизма и не отгораживаясь от внешнего мира.

Автор концепции «мирного возвышения» Китая бывший проректор Партшколы ЦК КПК Чжэн Бицзянь выступил с сообщением «Мировые перемены и основное направление движения Китая во втором десятилетии XXI века». По его мнению, в ближайшие десять лет Китай вступит в среднюю фазу процесса индустриализации, это будет этап стимулирования внутреннего спроса. Докладчик отметил, что в этот период ситуация в обществе останется стабильной. В области взаимодействия с внешним миром Китаю предстоит создавать «точки совпадения интересов» (*ли хуэйхэдянь*) и «сообщества интересов» (*ли гунтунти*) с США, Европой, Японией и другими развитыми странами — это будет конкретизация уже провозглашенной политики «мирного развития» и «строительства гармоничного мира». Докладчик заметил, что Китай стремится «расширять и углублять точки совпадения интересов со всеми сторонами», создавая с разными странами и регионами разнообразные «сообщества выгоды и интересов». Чжэн Бицзянь особо подчеркнул, что упомянутые им понятия «точка совпадения интересов» и «сообщество интересов» уже стали ориентирами политики китайского правительства, упоминания о них можно найти в предложениях по плану 12-й пятилетки, об этом сказал и премьер Вэнь Цзябао на форуме Азия—Европа. В условиях глобальных перемен создание «сообщества интересов» может стать важным инструментом укрепления стабильности в Китае и во всем мире.

Директор Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы заметил, что мировой кризис не помешал быстрому росту китайской экономики, непрерывно повышались военная мощь и международное влияние страны. За рубежом это вызвало не только позитивную, но и негативную реакцию, однако появление подобных оценок «неизбежно на пути возвышения большого государства». Столь же естественно, по мнению докладчика, появление в китайском обществе требований к правительству проявлять больше активности и «твердости» в защите территориальной целостности и государственных интересов. На фоне меняющегося баланса сил на мировой арене китайские отношения с внешним миром становятся более сложными, появляется все больше новых противоречий. Правительству нужно занимать сбалансированную и осторожную позицию, реформы и мирное развитие — единственный правильный путь, который соответствует коренным интересам Китая и глобальным тенденциям.

Бывший президент ШАОН Ван Жунхуа охарактеризовал идею «совместной гармоничной жизни», вынесенную в название Форума, как общее устремление. Она предполагает многообразие культур, равноправие, взаимопомощь и сотрудничество, а также модель развития, нацеленную на сбережение ресурсов и заботу об окружающей среде. Глава Института конфуцианства Пекинского университета и Академии китайской культуры Тан Ицзе обратился к истокам понятия гармонии-хэ. В древнекитайском памятнике «Чжоу и» говорилось, что небесный путь-*дао* находится в непрестанных изменениях, все объекты мироздания должны находиться на должествующих местах, вместе существовать, поддерживать в сотрудничестве «великую гармонию» *тайхэ* — и тогда все вещи смогут беспрепятственно развиваться. Человеческому обществу присущи взаимные противоречия и постоянные изменения, это неизбежно в развитии. Однако людям нужно ответственным образом совместно поддерживать «великую гармонию» сотрудничества, лишь такое общество сможет разумно и беспрепятственно развиваться. Тан Ицзе подчеркнул, что если человеческое общество хочет избежать разрушения, ему нужно сознательно продолжать поиски «великой гармонии», то есть совершенного идеального мира в духе государства Платона, «великого единения» (*датун*) Конфуция, мира высшей радости индийского буддизма, европейского «коммунистического общества».

На церемонии открытия Форума состоялось вручение премий за заслуги в изучении Китая четырем зарубежным китаеведам — члену Совета Федерации бывшему послу России в Китае И.А. Рогачеву, французскому исследователю китайской истории и культуры Жаку Жерне, японскому политологу Кадзуко Мори и бывшему профессору Гарвардского университета Филиппу Куну. В своем выступлении И.А. Рогачев рассказал о роли россий-

ской синологии в развитии двусторонних отношений, основанных на добрососедстве, культурно-экономическом сотрудничестве и взаимной поддержке на мировой арене. Он подчеркнул, что в Китае в процессе развития был накоплен богатый опыт преодоления трудностей, который может быть полезен для переходных (включая Россию) и развивающихся стран. Российские китаеведы понимают, что эффективно реализовать на практике результаты исследований можно лишь в том случае, если между двумя странами будут развиваться отношения дружбы и добрососедства, если обе стороны смогут обмениваться мнениями, переводить работы друг друга, встречаться на научных конференциях.

Выступавшие на пленарном заседании западные эксперты подчеркивали преимущества китайского пути развития в условиях мирового кризиса, а также рассказывали о своем личном вкладе в ознакомление иностранной аудитории с достижениями КНР. Автор книги «Как мыслят лидеры Китая» (2009 г.) Роберт Лоренс Кун сообщил, что благодаря его работе по налаживанию связей Китая с мировыми СМИ по зарубежным телеканалам были показаны интервью с китайскими чиновниками по поводу выставки ЭКСПО-2010. Он остановился на нескольких стойких заблуждениях. На Западе бытует представление, что китайские исследователи несвободны. Но это неверно — они стали более свободны и могут больше критиковать, чем это было 40–50 лет назад. Тем временем в Китае распространено мнение, что за рубежом исследователи и журналисты грешат предвзятостью и враждебностью по отношению к их стране. Однако тут сказывается непонимание того, что СМИ на Западе существуют прежде всего для того, чтобы критиковать, а не чтобы хвалить. Иностранные критики Китая зачастую указывают на реальные проблемы, но при этом создается впечатление, что это вся картина, а не ее часть. По мнению выступающего, лучшие друзья и союзники Китая — это «конструктивные критики», которые ищут корни успеха Китая, но при этом указывают на проблемы страны.

Футуролог Джон Найсбитт, завоевавший мировую известность еще в 1980-е гг. своими исследованиями глобальных «мегатенденций», ныне специализируется на Китае. Он возглавляет созданный в 2007 г. в Тяньцзине Институт Найсбитта, а в 2009 г. вместе с супругой Дорис опубликовал книгу «Мегатенденции Китая — 8 столпов нового общества». В своем выступлении он постоянно проводил сравнения между Китаем и Западом, указывая на преимущества первого и на неотложную необходимость обновления второго. Если Запад можно назвать «большим домом со славным прошлым», то Китай — это «строящийся дом с большим будущим». Найсбитт отметил, что после провала системы плановой экономики Россия продолжает поиски своего пути, в чем его убедила недавняя поездка в Москву, а Китай свой путь уже нашел и успешно по нему идет. Более того, в Китае уже создана «вертикальная демократия», где есть доверие народа к власти и власти к народу. На Западе такого взаимного доверия нет, там все делается ради победы на выборах, и это не оставляет места для стратегического мышления.

Почетный президент американского Азиатского общества Николас Платт назвал свой доклад «Китай и США — жить и расти вместе». Он призвал вместе решать проблемы экономики, изменений климата, заметив, что ни одна сторона не выиграет, если другая потерпит провал. Выступающий завершил свою речь эффектным сравнением, назвав использованный при чтении доклада планшетный компьютер воплощением «совместной жизни» Китая и США — это современное техническое приспособление «сделано в Китае, спроектировано в США и позволяет через Интернет держать под рукой весь мир».

Бывший посол Египта в КНР, советник МИД Бахрейна Мохаммед Галал затронул тему отношений Китая и развивающихся стран Азии и Африки. Эти страны считают Китай «своим», а не чужим, возлагают на него большие надежды, но при этом они чувствуют, что Китай не хочет брать на себя всю полноту ответственности как член мирового сообщества. В частности, Китай не участвует в решении проблем Ближнего Востока, перекладывая эту миссию на США. Развивающиеся страны заинтересованы в китайском опыте экономического развития. Китай подчеркивает, что не будет вмешиваться в чужие

дела, и развивающиеся страны уважают эту позицию. Тем не менее, они ждут от него «мягкого совета» и «активной благотворной роли» в экономической сфере, а также более заметных усилий по распространению знаний о китайской культуре и языке.

Глава программы изучения политики Китая при Университете Джорджа Вашингтона (США) Дэвид Шамбо в докладе «Китай и глобальное управление — сфера безопасности» подчеркнул, что ожидания от Китая растут во всем мире. Тема безопасности — это часть более широкого вопроса о вкладе Китая в глобальное управление. Пока китайское влияние более значительно в сферах экономики и финансов, однако уже сейчас Китай вносит вклад в борьбу с нетрадиционными угрозами — преодоление последствий стихийных бедствий в других странах, противодействие терроризму и международной преступности. Участие в миротворческих операциях ООН стало наиболее ощутимым показателем вклада Китая в глобальное управление.

В рамках Форума работало восемь секций — китайская модель развития, диверсификация социальной структуры китайского общества, традиция и современное влияние китайской культуры, устойчивость развития и экологические проблемы, Китай в мировой системе, глобальные коммуникации и будущее Китая, новые горизонты в изучении Китая. Первая секция Форума и один из двух «круглых столов» были отведены обсуждению проблемы «китайской модели», интерес к которой не затухал в течение всего периода реформ. Участники Форума ставили вопросы о том, существует ли «китайская модель», каково ее содержание в случае признания факта ее существования, каково значение этой концепции для Китая и мира в целом. В докладе сотрудника ШАОН Чжао Сыкуна были выделены три подхода к анализу «китайской модели» — ученых развитых капиталистических стран; представителей постсоциалистических и развивающихся стран (Центральная и Восточная Европа, Россия, Азия, Африка и Латинская Америка, включая такие страны конфуцианского капитализма как Сингапур и Южная Корея); а также китайских исследователей.

Представителей европейской и северо-американской синологии отличает весьма скептическое отношение к словосочетанию «китайская модель» и к терминологической инновации американского автора Джошуа Рамо, предложившего в 2004 г. понятие «пекинский консенсус», противопоставленное широко известному понятию «вашингтонский консенсус». Профессор Чикагского университета Тань Чун высказал мнение, что полезнее исследовать цивилизационные последствия развития Китая и не заниматься разработкой некоей «китайской модели» в геополитическом ракурсе. Аналогичной точки зрения придерживается американский исследователь Дэвид Шамбо, предложивший вместо рассуждений о «модели» сосредоточить внимание на конкретных действиях, позволивших китайскому народу вступить в качественно новую стадию развития.

Японский участник Форума Кадзуко Мори также подчеркнула свое неприятие термина «китайская модель» в силу того, что успешные реформистские мероприятия в Китае пока еще в должной мере не институционализированы. Предложив рассматривать Китай в трех ипостасях как страну социалистическую, развивающуюся и обладающую прочными имперскими традициями, она, по существу, принизила значение реформ, которые не привели к серьезным сдвигам в области производительных сил и производственных отношений. По мнению проф. Мори, будущее Китая остается неопределенным и речь идет о выборе между четырьмя перспективными моделями. Это общая модернизационная модель как сочетание рыночной экономики и демократической политической системы (по западному образцу); восточно-азиатская модель рыночной экономики в условиях сильного государственного контроля; модель управления, основанная на традиционных конфуцианских ценностях; модель самобытного пути развития («Китай есть Китай») как поиск новых нетривиальных решений.

Из этого перечня «перспективных моделей» наибольшей популярностью в среде зарубежных синологов пользуется восточно-азиатская модель. Сотрудник Гарвардского университета Уильям Оверхолт сформулировал свою позицию следующим образом:

«Китайская модель развития — это вариант того, что можно было бы назвать «азиатской моделью», хотя в истории подъема каждой из успешно развивающихся азиатских стран содержится масса уникальных элементов. Приоритеты в «азиатской модели» расставлены в следующей последовательности: на первом месте — сельское хозяйство, на втором — легкая промышленность, на третьем — тяжелая промышленность, на четвертом — внутренняя политика, на пятом — внешняя политика».

Среди западных экспертов растут опасения, что подъем Китая означает возрождение иной цивилизации с другими ориентирами развития и независимым политическим дискурсом. Это показал ход дискуссий на Шанхайском форуме. Как признался эксперт из Люксембурга Лионел Вейрон, труднее всего воспринимается китайская стратегия в культурологическом плане. Западным лидерам и западной общественности нелегко усвоить мысль, что после четырех веков полного доминирования Запада на международной арене какая-то незападная и нехристианская страна вот-вот встанет с ним вровень по своему могуществу и вступит в спор по поводу будущего мирового устройства.

Что касается ученых КНР, то все они стоят на позиции своеобразия китайского пути развития, но стараются избегать открытой конфронтации и не вдаваться в сложную полемику о формационной принадлежности китайской социально-экономической модели. Сотрудник Университета Цзяотун (Шанхай) профессор Чэнь Чжанлян охарактеризовал современную эпоху как «постиндустриальную», «постсоветскую» и «посткризисную», которая открывает для Китая новые широкие возможности сбалансированного развития. Он предложил разделить понятия «научного развития» и «китайской модели», провести их глубокий сравнительный анализ.

Директор Института философии ШАОН Тун Шицзюнь выделил три главных компонента развития Китая в современную эпоху: национальное возрождение, модернизацию и социалистическое строительство. Между этими магистральными направлениями китайского развития существуют сложные взаимодействия, рождающие глубокие противоречия. Комбинация задач социалистического строительства и модернизации порождает противоречия между трудом и капиталом (во внутреннем и еще более в международном плане). Сочетание задач модернизации и национального возрождения создает почву для возникновения противоречий между общим и частным в сфере материальных и духовных отношений. Стратегия, направленная одновременно на социалистическое строительство и национальное возрождение, чревата накалом противоречий между политическими целями и традиционными духовными ценностями. До сих пор главной задачей реформы было стимулирование развития, а по мере наращивания экономического потенциала на первый план выходит решение еще более сложной задачи «неадекватного развития». Дискуссия вокруг «китайской модели», по его словам, служит свидетельством происходящего на наших глазах переключения внимания с «недостаточного развития» на «неадекватное развитие».

Позицию ученых КНР нередко разделяют исследователи китайского происхождения, работающие на Западе. В Форуме принимал участие сотрудник Центра азиатских исследований и профессор Вебстеровского университета (Женева) Чжан Вэйвэй, который является по совместительству профессором Фуданьского университета (Шанхай) и Университета Цинхуа (Пекин). Его перу принадлежат известные работы «Идеология и экономические реформы при Дэн Сяопине», «Меняющийся Китай: экономические реформы и их политическая подоплека». В своем выступлении он подчеркнул, что подъем Китая — это не просто усиление некоей ординарной страны, а «страны-цивилизации» с пяти тысячелетней историей. По его словам, «Китай будет и впредь развиваться и продвигаться вперед, следуя своему собственному пути, логике своего исторического развития, и никогда не будет подражать западным моделям и каким-либо еще. Предстоящая дорога будет трудной, но ее направление уже определено и никогда не изменится».

Материалы Форума продемонстрировали возросший интерес в мире к опыту Китая, сумевшему достичь колоссальных экономических успехов и преодолеть послед-

ствия кризиса с минимальными потерями. В мировом общественном мнении появились две альтернативных оценки китайских реалий: во-первых, отношение к нему как к серьезной угрозе мировой безопасности и, во-вторых, как к принципиальной новой модели развития, которая может быть взята на вооружение многими странами мира.

Многие ученые признают, что теоретический уровень исследований Китая до сих пор остается недостаточно высоким. В значительной мере расхождения относительно самого факта существования «китайской модели» можно объяснить разночтениями по поводу самого понятия «модель». Если придерживаться подхода к модели как к определенному набору методов управления хозяйственными процессами, каждая страна вправе претендовать на свою специфическую «модель», а сама «модель» выступает как слепок данного общества, комплекс составляющих его институтов. И тогда споры относительно существования данной национальной модели и степени ее завершенности являются малопродуктивными, и такая теоретическая конструкция не имеет больших шансов на признание ее нормативности. Такая «китайская модель» — бесспорный факт, а сопоставление в этом случае «двух путей развития» (западного и восточного) носит чисто исторический характер. Если же относиться к «модели» не как к определенной данности, а как продукту социальной инженерии, термин приобретает значение образца и выполняет нормообразующую функцию. В первом случае «модель» — это объективная реальность, закодированная страновая специфика. Во втором случае — это целевой проект, который чаще всего имеет вид некоего чернового варианта цели развития. В этом случае уже резонны споры о том, существует или отсутствует национальная модель, насколько ее можно считать сложившейся.

В своем выступлении Л.И. Кондрашова (ИДВ РАН) остановилась на проблеме формационного определения «китайской модели». Разработчики стратегии начатых в конце 1970-х гг. реформ пошли на полный разрыв с прежней «традиционной» моделью социализма в ее сталинском варианте. Хотя Китай в своей стратегии рыночных преобразований отошел от прямого следования рецептам МВФ («вашингтонский консенсус») и отказался от проведения «шоковой терапии», по многим параметрам китайская реформа совпала с общей тенденцией реформирования при широком развитии рыночных отношений, создания смешанной экономики, привлечения иностранного капитала. Сложившаяся в результате реформы «китайская модель» может быть охарактеризована как обладающий признаками конвергенции вариант социально ориентированной рыночной экономики в условиях авторитарной политической системы. Она привела к целому ряду негативных последствий: отставанию роста благосостояния от экономического роста, неравенству в доходах, разрушению природной среды, коммерциализации общества и утрате части культурных традиций. Начало XXI в. следует считать новой «точкой бифуркации» развития Китая, когда встал вопрос о кардинальной перестройке экономической и социальной политики, переходе к новой модели развития, которая отступает еще дальше от имитационной модернизации. В условиях начавшейся в мире трансформации индустриального общества с экономикой рыночной типа и элитной формой власти в высокоорганизованную форму постиндустриального информационного общества наибольшую важность приобретает вопрос о соединении экономической эффективности с социальной справедливостью. Ситуация глубочайшего кризиса во многих странах и неизбежный вследствие этого кризис всего нынешнего мироустройства повышают престиж новой китайской модели, способствуют ее восприятию в качестве привлекательной институциональной инициативы и альтернативы капиталистическому пути развития.

На круглом столе «Прошлое, настоящее и будущее китаеведения» разгорелся спор о роли западной методологии в изучении Китая и о возможности обогащения китайской культуры «универсальными ценностями». Тан Ицзе заметил, что китайским ученым нужно сохранять «субъектность» собственной культуры, но вместе с тем требуется преодолевать чувство узкого национализма, участвовать в международных дискуссиях о культуре, искать во всех культурах источники для развития человеческого общества. Китайцам нужно не

только преподнести человечеству обладающие специфической ценностью интеллектуальные ресурсы своей культуры, но также старательно исследовать и отыскивать в культурах каждой нации идейные ресурсы, обладающие значением «всеобщих ценностей».

Универалистский подход был развит в выступлении Юэ Дайюнь (Пекинский университет), отметившей, что наиболее дальновидные западные ученые стремятся к решению общемировых проблем через обнаружение всеобщих ценностей в китайской культуре. В частности, «система Поднебесной» как всеохватывающая модель мироустройства обладает всеобщностью, она исключает абсолютный характер «конфликта цивилизаций» и может служить альтернативой «теории империи», лежащей основе евро-американской внешней политики. Переосмысление инструментальной и технической рациональности может опираться на лежащую в сердцевине китайской культуры эмоциональность (*цин*), ее соединение с западной рациональностью способно открыть путь для возвышения человеческой духовности. Постмодернизм разрушает былой всеохватывающий «большой дискурс», делая его фрагментированным и поверхностным, альтернативой может стать органическая системность «конструктивного постмодернизма», аргументы развивающих это направление американских философов совпадают со многими идеями китайской традиции. По мнению докладчика, следует насторожено относиться к рассуждениям о том, что «китайская культура спасет мир», к попыткам заменить западоцентризм на китаецентризм. Будущее развитие философии — это взаимодополнение и взаимопроникновение культур, поэтому следует впитывать из разных культур ценности, обладающие всеобщим смыслом, обновляя и обогащая таким путем свою культуру.

Чжэн Юннэнь (Сингапурский университет) заметил, что чем больше на Западе изучают Китай, тем меньше его знают, и это порождает у иностранцев беспокойство в отношении Китая. Запад и Китай становятся все более интегрированными, но друг друга не понимают. У некоторых ученых на Западе пониманию Китая препятствует идеологическая предвзятость, но самое главное — это проблема методологии. По словам докладчика, использовать западные концепции для анализа Китая это все равно что «глядя на яблоко обсуждать апельсин». Западные общественные науки выросли из научного осмысления социальных явления на Западе, там единая логика методологии, порожденных ею концепций и теории. В случае их применения к китайским реалиям это логическое единство исчезает. Однако главная вина лежит не на западных, а на китайских ученых и политиках — после «Движения 4 мая» они стали применять западные теории и концепции для объяснения явлений Китая, превратившись в «агентов» западных идей. Чтобы создать новое китаеведение, которое могло бы взаимодействовать с Западом, китайским ученым нужно отказаться от западных концепций, вернуться к истокам и применить методы общественных наук для того, чтобы заново исследовать Китай.

А.В. Ломанов (ИДВ РАН) попытался рассмотреть проблемы выхода китайской культуры на мировую арену через призму традиций российского китаеведения. Предложенные Китаем идеи строительства «гармоничного общества» внутри страны и создания «гармоничного мира» вовне сопровождаются обращением к традиционному наследию, которое становится одним из источников формирования официальной идеологии. Если трактовать изучение Китая (*Чжунго сюэ*) как отраслевое знание о современности, а синологию (*ханьсюэ*) как комплексное культурологическое знание о Китае, возникает ситуация герменевтического круга — частные проблемы нынешнего Китая не могут быть глубоко осмыслены без предварительного целостного синологического понимания, тогда как синтетическая картина не может быть составлена без предварительного понимания частей. Чтобы избежать поверхностности и фрагментарности при анализе современности, требуется иметь представление о традиционной культуре в целом. Актуальный ныне тезис о неразрывной связи изучения старого и нового Китая утвердился в российской синологии еще в первой половине XX в., эту мысль четко сформулировал академик В.М. Алексеев. Современные российские исследователи полагают, что за нынешними достижениями КНР стоят

культурные и цивилизационные факторы, они последовательно подчеркивают важность комплексного и всестороннего «синологического» изучения современного Китая. Важным шагом на этом пути стало издание в 2006–2010 гг. энциклопедии «Духовная культура Китая» в шести томах под редакцией академика РАН М.Л. Титаренко.

Обсуждение этих проблем продолжилось на секции, посвященной китаеведческим исследованиям. Янь Годун (Нанькайский университет) охарактеризовал представления о Китае российских китаеведов XVIII в. Служители Российской Духовной миссии в Пекине могли своими глазами наблюдать Китай, они собирали наиболее достоверную информацию, в переводах они строго следовали оригиналу. Российские китаеведы доверяли китайским трактовкам истории — в отличие от иезуитов, которые с опорой на авторитет Библии создавали собственные версии происхождения китайской нации. У россиян было уважение к основанной на конфуцианских идеях императорской власти, они проявляли заметный интерес к политическим идеям Китая, позитивно относились к целостности китайской правовой системы, одобряли лучшие человеческие качества китайцев, но также критиковали некоторых из них за пустоту и своекорыстие. И все же, заметил докладчик, по своему влиянию труды российских исследователей уступали переводам работ о Китае западных иезуитов и французского просветителя Вольтера.

Китайские участники Форума уделили большое внимание современному китаеведению в США и Японии, один из докладчиков призвал более внимательно следить за азиатским китаеведением (Иран, Индия, Монголия, страны Юго-восточной Азии). Поднимался и вопрос о выходе мирового китаеведения на новую стадию развития. Если первоначально центром мировой синологии была Европа, то в середине XX в. изучение классического китайского наследия отошло на второй план, и лидером в исследовании современного Китая стали США. Ныне, по мнению некоторых китайских докладчиков, возникли условия для участия в развитии этой отрасли знаний китайских ученых. Тема создания «китайского китаеведения» (*Чжунго дэ чжунгосюэ*), исследующего целостность и закономерности развития китайской цивилизации и истории получила практическое звучание — в одном из выступлений прозвучала информация о планах учреждения такой учебной дисциплины в Сычуаньском университете.

Участники дискуссии задавали вопрос о том, как поддержать усилия «иноного» (инострannого китаеведения) по сближению с объектом (Китаем), как помочь приблизить исследователя к исследуемому. На Форуме были обнародованы конкретные планы создания в ШАОН Центра изучения современного Китая и профильного научного журнала. Участникам Форума раздали тестовый номер ежеквартальника «Чжунгосюэ цзи-кань» (Изучение Китая), размещенный на его обложке перевод названия на английский язык «China Studies Quarterly» выглядел как несомненная заявка на соперничество с известным западным научным изданием «China Quarterly».

Эмблема прошедшего Форума удивительно напоминала ицзинговскую гексаграмму № 33 «дунь» («бегство»). В ее толковании говорится, что прежде чем предпринимать важный шаг, нужно обдумать поступок, задержавшись на время. Состоявшийся обмен мнениями между экспертами позволил более глубоко задуматься о перспективах развития Китая и о будущем китаеведения.